

Вопросы философии и психологии

Книга 125.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 125. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 251 с.

ISBN 978-5-458-04773-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04773-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Философское наслѣдство П. Д. Юркевича ¹⁾.

(Къ сорокалѣтію со дня смерти.)

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, 4-го октября 1874 года, скончался одинъ изъ интереснѣйшихъ русскихъ мыслителей, *Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ*, профессоръ московскаго университета. „Юркевичъ,—свидѣтельствуешь Вл. Соловьевъ, бывший его слушателемъ,—былъ глубокой мыслитель, превосходный знатокъ исторіи философіи, особенно древней, и весьма дѣльный профессоръ, читавшій чрезвычайно интересныя для понимающихъ и содержательныя лекціи“. И тѣмъ не менѣе Соловьевъ констатируетъ, что „Юркевича недостаточно знали и цѣнили при жизни“ ²⁾... Найти объясненіе этому не трудно, если сопоставить слова Соловьева, что Юркевичъ читалъ лекціи интересныя „для понимающихъ“, съ тѣмъ, что литературная и педагогическая дѣятельность Юркевича цѣликомъ приходится на 60-е годы. Въ особенности роковую роль для Юркевича сыграли статьи писателя,—котораго мы не назовемъ изъ уваженія къ его имени,—опиравшася въ своей полемикѣ противъ Юркевича прежде всего на незнаніе и непониманіе читателей. Имя Юркевича стало популярно, а его идеи были такъ же мало извѣстны, какъ и теперь...

Простой справедливостью я считаю теперь, въ день 40-ой годовщины со дня смерти Юркевича, совпавшей съ момен-

---

¹⁾ Докладъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 4-го октября 1914 г.

²⁾ *Вл. Соловьевъ*. Собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 427, 425.

томъ браннаго возстановленія нашихъ національныхъ цѣнностей, вспомнить о томъ, кто энергично защищалъ ту самую идею, которая такъ осмысливаетъ современное столкновение народовъ и которая, хочется вѣрить, также составляетъ нашу національную цѣнность: „*Миръ съ ближними, какъ условіе христіанскаго общежитія*“.

1. Юркевичъ и современная ему философія.

Во всемъ послѣдующемъ изложеніи я не буду касаться только что названнаго полемическаго столкновения, — памяти человѣка, проповѣдовавшаго „миръ съ ближними“, подобаешь и возданіе чести въ духѣ этой идеи. Но есть и другое основаніе, которое побуждаетъ меня обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Поединокъ, о которомъ идетъ рѣчь, велся не равнымъ оружіемъ: на сторонѣ Юркевича было знаніе, тонкое пониманіе, самостоятельная мысль, и боролся онъ за Истину, не преходящую, а стоящую надъ временемъ. Если всего этого не было у его противниковъ, то неужели нужно признать, что побѣдили невѣжество, непониманіе, подражаніе и интересы момента? Отвѣтить на этотъ вопросъ, — значило бы судить тѣхъ, кто призналъ побѣжденнымъ Юркевича. Это не должно быть задачей моего изложенія.

Но одинъ вопросъ я считаю вполне допустимымъ, поскольку онъ касается *самого* Юркевича, и я даже начну съ него. Пусть Юркевичъ зналъ и понималъ то, что онъ отстаивалъ, но достаточно ли онъ понималъ желанія и нужды тѣхъ, передъ кѣмъ ему пришлось говорить, достаточно ли онъ понималъ тотъ *моментъ*, въ который ему пришлось жить и учить? И я думаю, что на этотъ вопросъ нужно дать утвердительный отвѣтъ, иначе пришлось бы признать, что Юркевичъ дѣйствовалъ *несознательно*, а это было бы по отношенію къ нему несправедливо. Юркевичъ зналъ, понималъ и отдавалъ должное своему времени, но онъ *былъ философомъ*, а потому видѣлъ еще дальше... Онъ ви-

дѣль дальше, понималъ больше, и потому онъ *не* все *про-*
щаль.

Въ эпоху совершенно отрицательнаго отношенія къ философіи Юркевичъ выступилъ горячимъ сторонникомъ ея самой и свободы философскаго духа. Во имя этой свободы онъ умѣлъ находить и у своихъ противниковъ положительныя и цѣнныя стороны, но требовалъ такого же признанія свободы и для себя. Онъ ясно видѣлъ и понималъ смыслъ совершавшагося передъ его глазами историческаго момента, сознавалъ его значеніе для всего философскаго развитія, видѣлъ, въ какомъ направленіи должна итти философія дальше, но не могъ примириться съ тѣми приемами „инквизицій“ и результатами нетерпимости, которые ограничивали защищаемую имъ свободу.

Юркевичъ,—самъ „реалистъ“ въ полномъ философскомъ смыслѣ этого термина и „эмпиристъ“ также въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова,—выступалъ противъ „современнаго философскаго реализма“ и „этой философіи опыта“, которую провозгласилъ тогда *материализмъ*. Онъ хорошо понималъ философскую цѣну материализма, но тѣмъ не менѣе охотно признавалъ то положительное, что материалистическое настроеніе его времени могло внести въ науку и философію. Онъ цѣнилъ повышенный интересъ къ естествознанію и наукѣ, цѣнилъ внесеніе приемовъ эмпирическаго изслѣдованія въ изученіе психологіи и наукъ о духѣ, цѣнилъ стремленіе современныхъ ему теченій къ точности анализа, но протестовалъ противъ узости и односторонности выводовъ, къ какимъ приходилъ материализмъ, противъ игнорированія другихъ методовъ и приемовъ, противъ сознательнаго нигилизма по отношенію къ философской традиціи; наконецъ, онъ просто негодовалъ на насилія и запрещенія, которыми преслѣдовалась мысль, несогласная съ преобладающими вкусами.

Юркевичъ хорошо понималъ, что смыслъ того затруднительнаго положенія, въ которое философія попала въ серединѣ XIX вѣка, лежалъ въ конфликтѣ, возникшемъ между

нею и спеціальнымъ научнымъ знаніемъ. Но онъ также прекрасно видѣлъ, что этотъ конфликтъ есть *исторически* необходимый моментъ въ развитіи самой философіи и что, слѣдовательно, онъ долженъ кончиться не уничтоженіемъ философіи, какъ особаго рода знанія, а долженъ вывести на новый путь ее, обогащенную опытомъ и съ болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ проблемамъ.

По мѣрѣ того,—констатируетъ онъ ¹⁾,—какъ положительныя науки открываютъ новые факты и новыя отношенія, о которыхъ непосредственное человѣческое сознаніе не имѣло представленія, къ философіи предъявляются такія сложныя и тяжелыя требованія, которыхъ прежнія величественныя системы идеализма удовлетворить не могутъ. Каждый новый фактъ естествознанія или исторіи имѣетъ такую сторону, которая пріемами и принципами одной физики не можетъ быть объяснена, въ немъ всегда заключается нѣкоторый „остатокъ бытія“, который ждетъ своей метафизики. Такимъ образомъ, само развитіе спеціальнаго научнаго знанія усложняетъ и затрудняетъ разрѣшеніе задачъ философіи, предъявляя къ ней новыя требованія. Но въ этомъ же фактѣ мы можемъ найти объясненіе и тѣмъ перемѣнамъ, какимъ подверглась философія XIX вѣка, равно какъ и опредѣлить задачи послѣдняго историческаго момента. Быстрая смѣна философскихъ системъ XVIII и XIX вѣковъ зависѣла именно отъ количества новыхъ фактовъ, поразившихъ сознаніе человѣка, и въ этомъ смыслѣ каждая изъ нихъ только отражаетъ свое время. Философскія системы идеализма уже не удовлетворяютъ насъ, потому что мы живемъ въ *другомъ* мірѣ, имѣемъ дѣло съ *другими* явлениями, *другими* фактами и ищемъ *другихъ* идей. „Философія нашихъ дней,—говоритъ Юркевичъ,—подобнымъ же образомъ выражаетъ наше время съ его практическими рассчитанными стремленіями, съ его здравымъ смысломъ, который идетъ впередъ, оглядываясь и благоразумно обозрѣвая

¹⁾ *Материализмъ и задачи философіи.*

всѣ пути, чтобы не оставить прочной почвы дѣйствительности“.

Историческое пониманіе философской системы, однако, не исключаетъ ея философской безотносительной оцѣнки, и, какъ мы увидимъ еще, приведенныя соображенія не могли помѣшать Юркевичу оцѣнивать философскія системы также со стороны ихъ внѣисторическаго достоинства. Объясняя исторически смыслъ философской эволюціи, онъ вовсе не думалъ, что „последнее“ слово философіи есть виѣсть съ тѣмъ и самое истинное. Онъ не случайно подчеркиваетъ, что въ историческихъ смѣнахъ философскихъ ученій каждый разъ рѣчь идетъ только о *другомъ* мірѣ. Напротивъ, именно несоотвѣтствіе между безотносительнымъ, идеальнымъ, достоинствомъ философіи и ея временнымъ состояніемъ онъ считалъ характернымъ моментомъ той эпохи, въ которую ему самому пришлось дѣйствовать.

Идеализмъ не удовлетворялъ его времени, не удовлетворялъ „научности“, но въ немъ были непреходящія достоинства: неподдѣльное воодушевленіе къ лучшимъ идеаламъ человѣческаго духа, героизмъ мысли и чувства, а это всегда должно влечь къ нему „умы и сердца, способныя сочувствовать всему высокому и прекрасному“. Контрастъ между исключительнымъ подъемомъ философскаго духа въ идеализмѣ и философіей, современной Юркевичу, стремящейся итти въ уровень съ спеціальнымъ научнымъ развитіемъ, кажется ему одной изъ причинъ, которыми вызывались жалобы на упадокъ философскаго творчества. Въ особенности матеріализмъ и его широкое распространеніе побуждали многихъ говорить объ упадкѣ философіи. Юркевичъ, подвергавшій вообще матеріализмъ жестокой критикѣ, умѣетъ все-таки найти для него *историческое* оправданіе и тѣмъ самымъ способствуетъ лучшему уразумѣнію смысла всей разсматриваемой эпохи въ философіи. Дѣйствительно, въ чемъ же смыслъ этого матеріализма? Подлинно ли онъ есть при-знакъ упадка, и подлинно ли онъ всецѣло выражаетъ духъ этой эпохи?

Одни считаютъ, что діалектика Гегеля, превратившись въ искусство Горгія, вызываетъ въ лицѣ матеріализма естественное противодѣйствіе; другіе винятъ идеалистическую философію въ односторонности и надѣются возстановить значеніе философіи, обосновавъ ее на достовѣрныхъ опытахъ; иные видятъ ея слабость не въ отсутствіи опытныхъ основаній,—добыть которыя легко, но которыя не могутъ опредѣлить философскихъ воззрѣній,—а въ непониманіи метафизическихъ предпосылокъ опыта; наконецъ, большинство видитъ причину зла въ непониманіи Канта и его философскихъ тенденцій. Но само уже это разнообразіе мнѣній свидѣтельствуетъ о богатствѣ и жизненности философскаго развитія, которое не удовлетворяется ни одной исторической формой философіи, и оно гарантируетъ намъ, что при всемъ отрицательномъ и критическомъ настроеніи эпохи она все же не лишаетъ человѣка почвы, которая при свободномъ развитіи специфицирующихся формъ жизни всегда остается въ какихъ-нибудь мѣстахъ или сторонахъ нетронутой. Поэтому, если „скептицизмъ и матеріализмъ,—говорить Юркевичъ,— суть безспорныя явленія нашей эпохи, то все же было бы поспѣшно заключать, что въ нихъ, въ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ, выражается душа и сердце всей нашей цивилизаціи“.

Тонкое пониманіе современности, на нашъ взглядъ, сказалось у Юркевича въ томъ, что онъ, говоря въ защиту этой цивилизаціи, нашель положительное и въ самомъ матеріализмѣ. Какъ при идеалистическомъ настроеніи общества возникаетъ склонность къ мифологіи, къ вѣрѣ въ привидѣнія и къ фантастическимъ построеніямъ, такъ,—думаетъ онъ,—и матеріализмъ его времени можетъ разсматриваться, какъ побочный продуктъ реалистическаго настроенія. „Мы такъ много обязаны мертвому механизму природы, въ области котораго дѣятели и двигатели оказываются тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они пассивнѣе, что фантазія невольно рисуетъ образъ простой, пассивной матеріальности, какъ чего-то основнаго, лежащаго на самомъ днѣ явленій: она

хотѣла бы всѣ движенія такъ называемой жизни изъяснить такъ же просто и удобно изъ механическихъ отношеній матеріальныхъ частей, какъ изъясняетъ она движенія паровой машины. Чарующая мысль, что, въ случаѣ успѣха этихъ изъясненій, мы могли бы такъ же просто управлять судьбами своими и другихъ людей, какъ нынѣ управляемъ движениемъ машинъ, служить едва ли не самымъ задушевнымъ побужденіемъ къ матеріалистическимъ воззрѣніямъ“.

Такимъ образомъ, обнаруживаются тѣ философскіе мотивы, которыми опредѣляется матеріализмъ XIX вѣка: это—ненасытимая жажда знанія, стремленіе сдѣлать все бытіе прозрачнымъ, стремленіе всю дѣйствительность разложить, вывести, рассчитать и предопредѣлить будущее съ математической точностью. „Матеріализмъ настоящаго времени,—говоритъ Юркевичъ,—рѣшаетъ подъ другими формами ту самую задачу знанія, подъ тяжестью которой палъ абсолютный идеализмъ“. Онъ хочетъ убѣдить человѣчество, что знанію все доступно, все прозрачно, нѣтъ ничего непроницаемаго, что нужно было бы изъ свѣтлой области знанія отнести въ темную область чувствованій, поэтическихъ чаяній и религіознаго вдохновенія. Онъ не останавливаетъ порывы метафизики, а хочетъ обогнать ее и итти дальше; въ метафизикѣ онъ видитъ только успокаивающія мечты, которыя нужно разогнать, чтобы итти дальше и дальше, не останавливаясь ни на одномъ явленіи, какъ на простомъ и неразложимомъ.

Въ этомъ видѣ матеріализмъ выражаетъ характеръ и направленіе всей эпохи, стремящейся все освѣтить свѣтомъ знанія, все, что было дорого своей непосредственностью, вывести, объяснить и въ самомъ развитіи духовной жизни опереться на знаніе, исключая изъ него непосредственные духовные инстинкты и безотчетныя, хотя и прекрасныя, требованія сердца. Поэтическій умъ или религіозный духъ можетъ жаловаться на прозаическую и разсудочную жизнь и на философію, по которой міръ слишкомъ сухъ и блѣденъ, слишкомъ „разсѣивающійся“, чтобы его познаніе

могло рѣшить задачи и удовлетворить нужды человеческого духа, ищущаго сосредоточенности и жизни. Но какъ ни ограниченъ вслѣдствіе этого материализмъ, какъ ни неспособенъ онъ удовлетворять всестороннимъ требованіямъ человеческого духа, онъ не можетъ служить признакомъ упадка мышленія и интеллектуальнаго развитія.

Детальную оцѣнку материализма, съ этой точки зрѣнія современныхъ Юркевичу философскихъ тенденцій, мы встрѣтимъ ниже. Приведенныя его мысли должны свидѣтельствовать только, насколько сознательно онъ относился къ материализму, какъ историческому моменту въ развитіи свободной мысли, и насколько глубоко онъ понималъ смыслъ своей эпохи. Здѣсь передъ нами Юркевичъ выступаетъ главнымъ образомъ какъ *историкъ*. Но и къ историческимъ явленіямъ возможно другое отношеніе, а для *философа* оно даже обязательно: рассматриваемое явленіе должно подвергаться также *принципальной* оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія его подлиннаго философскаго смысла, *въ его сущности*.

Міросозерцаніе,—говоритъ Юркевичъ,—„должно пробѣжать въ исторіи всѣ степени развитія, какія вообще лежатъ въ существѣ его, чтобы такимъ образомъ высказать все свое право или неправо“. Три историческихъ момента расцвѣта материализма Юркевичъ характеризуетъ, какъ три обнаруженія такого существа. Въ древности материализмъ былъ міровоззрѣніемъ человѣка, нуждавшагося въ успокоеніи, уставшаго въ исторической борьбѣ за свои интересы и много въ ней потерявшаго; онъ не призывалъ мысль и волю человѣка къ дѣятельности, а, напротивъ, парализовалъ ее, погружалъ его духъ въ состояніе покоя, сонной невозмутимости и апатіи; теорія атомовъ безъ математической и механической обработки оставалась бесплодна и потому имѣла значеніе преимущественно нравственное; онъ хотѣлъ успокоить сердце человѣка, показывая, какъ міръ равнодушенъ къ его собственнымъ тревогамъ и судьбѣ. И это вело, дѣйствительно, къ паденію философіи, потому что при общемъ слитномъ и единомъ міровоззрѣніи древнихъ отри-

чаніе и скептицизмъ вырывали у человѣка всякую почву изъ-подъ ногъ. Философія XVIII вѣка въ этомъ смыслѣ, при специфицирующемся развитіи жизни, оставляла почву въ ея частныхъ формахъ и, невзирая на отричаніе, вела къ защитѣ нѣкоторыхъ незыблемыхъ началъ въ самомъ человѣкѣ. Поэтому и матеріализмъ XVIII вѣка отрѣшаетъ отъ всѣхъ преданій и авторитетовъ, но тѣмъ сильнѣе толкаетъ человѣка на борьбу за новые интересы. Матеріализмъ новаго времени, какъ мы видѣли, хотеть „обогнать“ самое метафизику, но въ то же время онъ хотеть стать *наукой*; онъ взялъ за образецъ себѣ законы механики и дѣлаетъ изъ нихъ правила логики; научное достоинство ихъ до такой степени безспорно, что съ этой *формальной* стороны онъ уже достигъ своего предѣльнаго момента и едва ли можетъ развиваться еще дальше. И это опять-таки находится въ соотвѣтствіи съ духомъ и существомъ новой философіи.

Но если таковъ принципиальный смыслъ матеріализма, то позволительно спросить себя, каково должно быть къ нему отношеніе не того или иного момента въ развитіи философской мысли, не новой или новѣйшей философіи, а *философіи самой*, подлинной, истинной, стоящей надъ временемъ и исторіей? Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ предполагаетъ выясненіе смысла и задачъ этой послѣдней. Такой отвѣтъ предполагаетъ не столько критику, сколько утверженіе самихъ принципиальныхъ основъ философіи. Вотъ почему и Юркевичъ ограничивался оцѣнкой матеріализма только съ точки зрѣнія „новой философіи“, чтобы затѣмъ подвергнуть оцѣнкѣ ее самое и перейти къ положительной философіи уже съ творческими заданиями.

Но прежде чѣмъ перейти къ его оцѣнкѣ матеріализма и его положительной философіи, мы хотѣли бы закончить высказанную въ началѣ мысль, что Юркевичъ не только понималъ современный ему историческій моментъ, но именно поэтому онъ не все въ немъ прощалъ.

Матеріализмъ, и именно новый, далъ поводъ вписать пе-

чальную страницу въ исторію философіи и свободной мысли вообще. Инквизиція церкви и цензура государства были постоянными врагами философіи и всякой свободной мысли, но они были врагами „внѣшними“ и преслѣдовали философію открыто. Матеріализмъ вошелъ въ нее изнутри и наносилъ ей ударъ тѣмъ же оружіемъ инквизиціи общественнаго мнѣнія и преслѣдованіемъ неблагонадежности. Юркевичъ на личномъ опытѣ узналъ то, что писалъ, когда философъ въ немъ произнесъ свои *непрощающія* слова: *«Наша эпоха находится, дѣйствительно, въ прямой противоположности съ средневѣковой. Очень часто случается, что нынѣ во имя совершенно невинныхъ естественныхъ наукъ преслѣдуютъ и пытаются человека за его любовь къ истинамъ духа, какъ некогда почтенные инквизиторы пытали и преслѣдовали его во имя Христова за его любовь къ истинамъ естествознанія»...*

Можно себѣ представить, сколько боли скрывается за этими словами, если вспомнить, что ихъ произнесъ человекъ и философъ, о которомъ Вл. Соловьевъ, знавшій его лично и изучавшій его ученіе, писалъ непосредственно послѣ его смерти: „Если высотой и свободой мысли, внутреннимъ тономъ воззрѣній, а не числомъ и объемомъ написанныхъ книгъ опредѣляется значеніе настоящихъ мыслителей, то безспорно почетное мѣсто между ними должно принадлежать покойному московскому профессору Памфилу Даниловичу Юркевичу. Въ умственномъ характерѣ его замѣчательнымъ образомъ соединились самостоятельность и широта взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія, глубокое сердечное сочувствіе всѣмъ существеннымъ интересамъ жизни—съ тонкою пронизательностью критической мысли“¹⁾.

2. Матеріализмъ и метафизика.

Разсмотримъ ближе оцѣнку, которой подвергался матеріализмъ у Юркевича при томъ пониманіи этого мировоз-

¹⁾ О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича. 1874. — Собраніе сочиненій. Т. I, стр. 162.